

С. МЕЛЬНИКОВ

ЖИДКАЯ ЖИЗНЬ
СУБЛЕЙТЕНАНТА
ЗАМФИРА

Сергей Мельников

**Жидкая жизнь
сублейтенанта Замфира**

«Автор»

2023

Мельников С. В.

Жидкая жизнь сублейтенанта Замфира / С. В. Мельников —
«Автор», 2023

Королевство Румыния, 1916 год. Сублейтенант Василе Замфир служит в глубоком тылу: считает вагоны уходящих на фронт эшелонов. Больше всего на свете он боится попасть в один из них. Он очень молод, почти не жил, нигде не был, никого не любил — всё в его жизни пока в будущем, а его может не быть: идёт Первая Мировая война. В одном доме с Замфиром живёт девушка, но как перебороть страх и подойти к ней? Ещё и жизнь Василе теперь зависит от уровня жидкости в бутылке тёмного стекла — таково цыганское проклятие. Много страхов у Василе, и как с ними справиться?

Содержание

Проклятие Замфира	6
Признание Замфира	14
Победа Замфира	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Мельников

Жидкая жизнь сублейтенанта Замфира

Василе Замфиру часто снились яркие и слишком правдоподобные сны. Он просыпался на влажной от пота простыне с бешено бьющимся сердцем и старался их забыть: огромную улитку с беззубым и слюнявым, как у прабабушки Аурики, ртом; волков в гимназических фуражках, клацавших челюстями у его розовых пяточек; дворника Глигора с острыми кусками стекла вместо пальцев. Чаще всего ему снился золотозубый и косматый цыган. Он уводил его в свой табор и отпиливал ржавой пилой ноги. Безногий Василе просил милостыню на улице Хэрестреу, прямо напротив парадного своего дома, а мама и папа равнодушно проходили мимо, не узнавая. А как-то раз добрая матушка нарезала его сочными ломтями и разложила по тарелкам гостям. Потом весь день у маленького Василикэ во рту оставался вкус печёного яблока. Наверное, причиной этих кошмаров было то, что мама часто говорила ему, какой он сладенький, и каждый хотел его съесть.

Последние пару лет чудовища в его снах стали мёртвыми и железными. Теперь мягкое тело Василе перемальвали траками танков, разрывали его на части шрапнелью, выжигали лёгкие хлором, и так – с того самого дня, когда в Сараево застрелили эрцгерцога Фердинанда. Больше всего Василе боялся, что его сны станут явью.

Проклятие Замфира

К новому месту службы сублейтенант Замфир прибыл на дрезине. Он ступил на грубый дощатый помост, солдаты за его спиной налегли на рычаги и отбыли в сторону Чадыр-Лунги. Василе остался один. Перед ним сочился влагой деревянный щит с узкими чёрными буквами "Казаклия". В щелях между досками, вокруг них, в просветах грубо сбитой платформы под ногами – глянцево блестела мясистая тёмно-зелёная трава. Левее, около столба семафора – будка на сваях, за ней – небольшой дом, двор, грязные куры. На верёвках – бельё, то ли сушится, то ли полощется в измороси. Ни души.

Сублейтенант растерянно огляделся: его никто не встречал. Он спустился по размокшим деревянным ступеням и остановился на последней: к дому стрелочника уходила полоса липкой грязи с болотцами дождевой воды. Василе нерешительно посмотрел на носки начищенных чёрных сапог и еле слышно застонал. Он перепрыгнул на заросшую травой кочку, нога поехала, пришлось соскочить прямо в лужу. Грязная вода оставила белесые разводы на коже, жёлтые брызги усеяли голенище. Замфир стёр с лица дождевую воду и зашагал вперёд, уже не разбирая дороги.

Хозяйство стрелочника окружал штакетник, не выше оградки на могиле – перешагнуть можно. Из будки, сбитой из досок с армейской маркировкой, высунул бородастую морду пёс и слюняво забрехал, скаля клыки, но под дождь вылезти не пожелал. Василе приоткрыл калитку и крикнул:

– Господин Сырбу!

Никто не отозвался.

– Господин Сырбу! Вам депеша из штаба армии!

Пёс залаял ещё яростнее. Дверь отворилась, высунулось юное лицо: круглое, с пухлыми губами и мятой от подушки щекой. Сонный взгляд прояснился, как только девушка разглядела симпатичного молодого офицера.

– Мадемуазель, – Василе учтиво приподнял кепи. – сублейтенант Замфир. Здесь ли господин Сырбу?

– Мадемуазель, скажете тоже, – прыснула она.

Была она молоденькой, по-детски припухшей и такой милой в своём розовощёком смущении, что Василе непроизвольно разгладил пальцами тонкие усики. Девушка вышла на крыльцо и уютно завернулась в пуховый платок.

– Виорика Сырбу. – Она изобразила лёгкий книксен. – Пойдёмте в дом, господин офицер, чего под дождём мокнуть? – Замфир покосился на собачью будку, и она со смехом махнула ему рукой: – Да он лает – не кусается, идите смело.

– Если вы настаиваете, госпожа Виорика...

Василе открыл калитку и проскользнул к крыльцу, удержался от прыжка, когда лохматая тварь размером с индюка вылетела из будки, клацая челюстями.

Девушка вошла в дом, ехидно и весело стрельнув глазами через плечо. Василе с пылающими ушами последовал за ней. В тусклом электрическом свете он оценил её фигуру, широкую на его вкус, но с вполне плавными обводами и приятными выпуклостями. Посмотрел ниже, на широкие лодыжки в прохудившихся шерстяных носках под обтрёпанным подолом, и почувствовал стыд и лёгкую брезгливость.

– Прошу вас на кухню, господин офицер, – Она провела его в полутёмную комнату с холодной печкой и маленьким окном. В ней стоял густой запах дрожжей и скисшего молока. – Присаживайтесь. Цикорию хотите? Или, может, чего-нибудь покрепче?

Василе посмотрел на четвертные бутылки с мутной жидкостью, стоящие под подоконником и отказался:

– Нет-нет, благодарю вас. Цикорий будет в самый раз.

Виорика достала жестяную банку, разожгла примус и взгромоздила на него чайник, рассеянно выглянула на двор и ойкнула:

– Матушка меня убьёт!

Она кинулась прочь, через окно Василе увидел, как девушка торопливо срывает с верёвок мокрое бельё и складывает в огромный медный таз. Чайник закипел. Василе потушил горелку, поколебался, но всё же нашёл в буфете кружки и засыпал в них порошок. Когда вымокшая и раскрасневшаяся Виорика вернулась в дом, он протянул дымящийся напиток и смущённо спросил:

– Я сам налил, вы не против?

– Если спросят, бельё там не висело, хорошо? – попросила она.

Их пальцы соприкоснулись, и Замфир с интересом посмотрел на Виорику, но та с беспокойством выглядывала в окно за его спиной.

– Буду нем, как рыба, – заверил он и почувствовал, что терпеть больше не может. – Вы не подскажите, где у вас клозет?

– Что, простите? – девушка перевела взгляд на Василе, и он смутился.

– Ну... Латрина... Ретирада... Сортир, – понизив голос пояснил он.

Она пару секунд непонимающе хлопала ресницами, потом с пониманием кивнула: – Отхожее за домом. – Посмотрела на его безупречно подстриженные усы и добавила: – Деревянная будка такая, без окон. Найдёте?

Сублейтенант Замфир нашёл и тут же проклял день, когда его из штаба армии отправили в эту Богом забытую дыру. Внутри вились навозные мухи, их липкое жужжание сводило Василе с ума. Криво выпиленная дыра нужника казалась провалом в Преисподнюю. Спасаясь от смрада, он уткнул нос в воротник.

Тоска по дому, просторному особняку на улице Хэрестреу в двух шагах от парка короля Кароля, охватила его. Особенно, в этот момент, по отапливаемому клозету с фаянсовой вазой "Унитас", по её гладкому полированному ободу. Василе обиженно всхлипнул, под переносицей защипало. В слабом свете, проникающем сквозь щели, он осмотрелся и не обнаружил ни клочка бумаги.

Осторожно приоткрыв дверь, Василе высунул нос и облегченно выдохнул. Воздух, опьяняюще свежий, ворвался в лёгкие. Живых видно не было. Где-то за домом надсадно ржала лошадь, низкий женский голос распекал Виорику. Видимо, хозяева вернулись, и госпожа Сырбу обнаружила безнадёжно вымокшее бельё.

Василе растерялся: не бежать ведь офицеру со спущенными штанами к дому. Взгляд его упал на густые заросли лопуха. Он покачал головой, удивляясь, как низко он пал, воровато оглянулся и кинулся к ним, придерживая спущенные бриджи. Наконец, оправившись, он подошёл к умывальнику, прибитому к задней стене дома, и тут злодейская судьба нанесла последний удар. На краю облупленной эмалированной раковины лежал кубик серого марсельского мыла с прилипшими курчавыми волосами.

С трудом сдерживая клокотание в груди, Василе вошёл в дом. Виорика стояла, опустив в притворной покорности голову, но с его появлением сверкнули задорно глаза под насупленными бровями. Над ней нависала дородная чернявая женщина с руками, способными быку голову к земле прижать. Она потрясала мокрой простынёй, зажатой в увесистом кулаке. По ту сторону круглого стола, у открытого буфета, застыл мужчина – кряжистый, лохматый, со спутанной бородицей, похожий на кишинёвского цыгана. В руке он держал тёмно-зелёный штоф.

Чтобы завершить немую сцену, Василе щёлкнул каблуками и чётко, с идеальной артикуляцией, как его учили в штабе, доложил:

– Заместитель интенданта штаба четвёртой армии его королевского величества Фердинанда сублейтенант Замфир прибыл для осуществления контроля за транспортировкой армей-

ских грузов. Господин Сырбу? – Бородач неуверенно кивнул, будто до конца не веря, что он тот самый Сырбу, что нужен господину офицеру. Василе выдернул из нагрудного кармана вдвое сложенный конверт и протянул его через стол. – Вот предписание. Вам надлежит предоставить мне жильё и питание на весь срок командировки. Оплата будет произведена согласно установленному министерством прејскуранту.

Сырбу хмыкнул, прочищая горло и сварливо проворчал:

– Аж уши заложило. Знаю я ваши прејскуранты: кожу сдерёте, ещё и должен останусь.

Он забрал конверт, вытащил лист гербовой бумаги с размашистой подписью и долго вглядывался в него, подслеповато щурясь.

– Да вы садитесь, господин офицер, – ожила мать. – Садитесь! Сейчас ужинать будем.

– Благодарю, госпожа Сырбу, но, если позволите, я поужинаю позже. Мне срочно надо в галантерейную лавку. Не подскажете, где тут ближайшая?

– Ой, не надо "госпожа", мы люди простые, да и вам у нас не один день жить. Давайте породственному: Я – Амалия, муж мой – Маковей, а эту бестолочь Виорикой зовут. А вас как?

От ласковой улыбки госпожи Сырбу на щеках сублейтенанта расцвели розы.

– Василе, – сказал он уже вполне штатским голосом.

– Василе... Из самой столицы, наверное... – сказала она благоговейно. – Ой, вы ж про галантерейную лавку спрашивали. Ближе всего – в Тараклии, но до неё километров десять и дорога совсем размокла. А что вам там надо?

Василе смутился.

– Мне жидкое мыло надо купить... флакон. Кожа у меня очень чувствительная, понимаете ли.

– Кожа чувствительная у него... – чересчур громко пробормотал Маковей. – Фифа какая. На фронте галантерейщиков нет, быстро огрубеет.

– А вы что ж сами не на фронте, господин Сырбу? – взвился Василе.

– А я своё уже отвоевал! – стукнул он кулаком по столу. – Я во второй балканской болгарии раненый, у меня пуля между позвонков застряла. Вон какой скособоченный! Показать?

– А я служу там, куда меня послало командование! – В голове у Василе щёлкнуло, вспомнился господин интендант с властным баритоном, столь любезным дамам. – Вы забываетесь, фронташ запаса Сырбу! Перед вами старший по званию! – Как всегда в такие моменты голос Василе с контртенора сорвался на фальцет, и он закашлялся. – Извольте соблюдать субординацию!

– Ну-ну, – угрюмо проронил Маковей. – Как ты в доме моём жить собираешься со своей субординацией, господин сублейтенант?

Он сел за стол и налил себе в стаканчик желтоватой жидкости. Глядя сквозь Василе, влил в рот и занюхал рукавом рубахи.

– Хоть бы гостю предложил! – укоризненно покачала головой Амалия. Она сунула мокрую простынь дочери и взглядом услала её прочь. – Вы, господин офицер, сходите в село, в аптеку господина Лазареску, это недалеко: луг перейдёте, там через мост – и прямо по улице, не сворачивая. Видела я у него на полке то, что вам надо. А пока ходить будете, я и на стол соберу, и комнату вам приготовлю.

Сухо кивнув, Василе развернулся, как на смотре, и вышел в тёмную прихожую, пропахшую луковой шелухой, пыльными половиками и старым веником. За спиной началась приглушённая перепалка, женскому злomu шёпоту отвечал мужской, гулкий и оправдывающийся.

Скрипнула дверь, показался вздёрнутый носик Виорики.

– Господин офицер, – тихо позвала она. – Можно вас попросить?

– К вашим услугам, госпожа Виорика, – так же шёпотом ответил Василе.

– Ой, да не надо услуг, – хмыкнула девушка. – Купите мне лучше у господина Лазареску манпасье – леденцы такие разноцветные. Я вам сейчас денег дам...

Пауза почему-то затянулась. Виорика смотрела на Василе таким нежным и наивным взглядом, что Василе поспешил заверить:

– Не надо денег, почту за честь!

– Господин офицер такой щедрый... – восхищённо сказала она и закрыла дверь.

Немного обескураженный, сублейтенант Замфир вышел во двор, под дождь, который не прекращался, но и не торопился превращаться в ливень. Мокрая земля блестела, как жижа в кривой дыре нужника. Дальше, между калиткой и железнодорожной насыпью, зеленела некошенная трава, до села – широкий луг, который ему предстояло пересечь дважды. Передёрнув плечами, Василе поднял куцый воротничок и зашагал напрямик. Он шёл, разбрызгивая жидкую грязь, и испытывал потаённое удовольствие, как в детстве, когда прыгал по парковым лужам под гневные окрики гувернантки.

"Будете должны, дорогая Виорица!" – подумал он и улыбнулся. Он шёл по полю, не глядя под ноги. Трава, растоптанная подошвами, пахла остро и пряно. Василе вспоминал тонкие ножки бухарестских барышень в изящных башмачках с шнурованным голенищем, но они размывались дождём, а сквозь них проступали крепкие лодыжки в растянутых шерстяных носках. Они были куда плотнее и ближе стройных ног томно-язвительных девиц с кофейных террас Липскани.

В селе из трёх немощёных улиц Василе быстро нашёл лавку, пристроенную к большому дому. С одного боку её украшала надпись "Фармация", с другого – "Галантерея", а с фасада – "Бакалея". Судя по приоритетам, жители Казаклии ели чаще, чем душились розовой водой и лечили подагру. Он вошёл внутрь, звякнул колокольчик. Из двери в дальнем конце вышел измождённого вида мужчина с уныло обвисшими усами.

– Что вам угодно, господин военный? – осведомился он.

Вопрос молодого офицера удивил господина Лазареску. В самой узкой, галантерейной части своего магазина он расставил стремянку и достал с самого верха литровый флакон дымчатого стекла с притёртой пробкой. Бросив осторожный взгляд на сублейтенанта, он украдкой, рукавом, обтёр толстый слой пыли.

– Вот, извольте видеть, господин военный, вам очень повезло – остался последний флакон. Очень дефицитный товар.

– Я заметил, – с лёгким сарказмом согласился Василе. – Сколько он стоит?

– Двести леев...

Сублейтенант поправил ремень и его правая рука задумчиво задержалась у кобуры с револьвером.

– Сто восемьдесят, – вдруг вспомнил Лазареску. – Совсем забыл про переоценку... Но для господ офицеров доблестной армии Его Величества сто пятьдесят... Пять.

Господин офицер закатил глаза, то ли взывая к Господу, то ли пересчитывая в уме остатки наличности, и выложил на прилавок банкноту. Лазареску печальным взором окинул нарядную крестьянку на аверсе и совсем загрустил:

– Это дефицитный товар, больше вы нигде его не купите...

Василе с театральным вздохом достал из кармана две монетки и аккуратно положил сверху:

– Сто двадцать... И искренняя благодарность Румынской армии в этот трудный для Отечества период.

Лазареску посмотрел на офицера, на флакон жидкого мыла, который должен был в этом магазине пережить и его, и детей, и даже внуков, лестницу, пустое место в дальнем углу верхней полки и сгрёб деньги в кассу.

– Ну что ж, молодой человек, – сказал он обречённо. – Полагаю, благодарность Румынской армии стоит этих тридцати пяти леев. Может быть что-то ещё? Кёльнская вода, зубной порошок, бриллиантин? Есть даже готовая венгерская помада для усов.

– Нет, благодарю, больше ничего. Ах, да, – спохватился Василе. – У вас есть монпансье?
– Безусловно! Есть русские "Ландрин", из самого Петербурга! В красивой жестяной коробочке, которую ваша дама сердца сможет использовать как шкатулочку для безделушек.

Василе выложил за коробочку дешёвых леденцов вдвое от бухарестской цены, но торговаться ему больше не хотелось. Тарелка мамалыги, съеденная утром в поезде, давно растворилась в молодом организме. Офицерское нутро напомнило о себе бравурным маршем. Поспешно распрощавшись, Василе сдержанным бегом, не роняющим офицерское достоинство, отправился обратно.

Входная дверь дома Сырбу была приоткрыта. Из кухни доносились приглушённые голоса. Замфир, сдерживая дыхание, шагнул в тёмную прихожую. Коробка монпансье для Виорики лежала в боковом кармане. Мокрый флакон с жидким мылом он держал обеими руками.

– ...кончится – умрёт! – услышал Василе грозный и злой голос Маковея и стук, какой бывает, когда увесистый кулак опускается на покрытый скатертью стол.

– Господи Иисусе! – запричитала сквозь слёзы Амалия. – Как же так, Макушор?

– Как я сказал! Опустеет бутылка и конец!

Василе растерянно посмотрел на флакон в своих руках. Ладони его взмокли и он судорожно вцепился в выскользающее стекло. Разговор в столовой затих, лишь еле слышно всхлипывала Амалия. За дверью Виорики скрипнули пружины, зашуршали шерстяные носки по половицам. Сублейтенант в смятении сделал назад шаг, другой. Перед глазами всплыло смуглое лицо Маковея Сырбу, его густая кудрявая борода с редкими седыми волосками и тяжёлый взгляд чёрных глаз из-под кустистых бровей.

– Цыган! – подумал Василе. – Как есть цыган!

Виорика за дверью всё-таки нашарила тапки. Скрипнула половица у самой двери. Сублейтенанта охватила необъяснимая паника: тёмная прихожая, пропитанная густыми запахами старого дома сжалась, стены почти касались его плеч. Узкая полоска электрического света под дверью столовой напомнила мертвенное освещение прозекторской, где по служебной надобности ему случилось побывать. В тот день живое воображение и мнительная натура в красках нарисовали ему собственное обнажённое и обмытое тело на одном из мраморных столов с желобами стоков. За спиной, со двора, потянуло сырой землёй. Там блестела дождевая вода на некошеной траве и уходили в бесконечность пустые рельсы. И посреди этой пустоты, в цыганском доме – он, Василе Замфир.

Цыган сублейтенант боялся с детства. Гувернантка в тщетных попытках добиться послушания рассказывала маленькому Василикэ страшные истории про цыганских колдунов и с упоением живописала горькую судьбу детишек, попавших им в руки. Послушным он от этого не стал, зато обзавёлся невыносимо натуральными кошмарами. Сейчас, во временном помрачении сознания, Василе подумал, что, возможно, он спит, а, значит, начинается настоящий кошмар. С визгом сдвинулся стул в кухне, одновременно с этим повернулась ручка в комнату Виорики, и сублейтенант, сдерживая вопль ужаса, пулей вылетел на крыльцо.

Тяжело дыша, он застыл посреди двора. Припустивший дождь охладил его горячую голову, и Василе устыдился своего срыва. Он – офицер румынской армии, при исполнении служебных обязанностей, в кобуре шестизарядный Сен-Этьен, а на северо-западе его собратья гонят проклятых австрияк из румынской Трансильвании. Крепко сжав кулаки, Замфир выпустил сквозь зубы воздух. Стало немного легче.

Дверь дома открылась, на пороге появилась Амалия, и даже в наступивших сумерках было видно, с какой жалостью и болью она смотрит на молодого офицера.

– Матерь Божья, господин сублейтенант, вы совсем вымокли! Идите скорее в дом!

Василе опустил взгляд на флакон с жидким мылом в своих руках и, отбросив суеверия, с достоинством сказал:

– Не извольте беспокоиться, госпожа Сырбу. Мы, солдаты, люди ко всему привычные. Буду через минуту. – И отправился за угол к рукомойнику.

В столовой переодетому в домашнее сублейтенанту Амалия поставила тарелку исходящего паром куриного супа с клёцками. Виорика заботливо накрыла его плечи тёплым пледом. Даже Маковой сменил гнев на милость и налил ему в рюмку желтоватую настойку.

– Пейте, сублейтенант! Давайте-давайте, от угощения не отказываются. Обещаю не включать его в счёт вашему министерству, – обнадёжил он и добавил, видя его нерешительность. – Примите как лекарство. Не хватало мне ещё с вашим воспалением лёгких возиться!

Василе чувствовал, что заболевает. Он слышал своё угнетённое дыхание и мягкую тяжесть под глазами. Он уже понимал, что простыл, но ещё надеялся, что это не пневмония. Одним решительным глотком, как полагается бравому офицеру, он опрокинул в рот настойку, будто вулканической лавы глотнул. Успел поймать удивлённый взгляд Маковой и уткнулся носом в рукав. Сдержал рвущийся из груди кашель и разлившуюся во рту кислоту быстро залил супом.

– Силён! – сказал с непритворным уважением Сырбу. – С такими офицерами наша армия непобедима.

Первый шок у Василе прошёл. Виноградная ракия потекла по жилам, выжигая болезнь. Бедная столовая с растянутыми жизнью кружевными салфетками на потрёпанной дешёвой мебели, показалась милой и уютной, семья Сырбу – воплощением заботы и любви. Виорика больше не показывалась, но ему вдруг захотелось провести пальцами по нежному пушку на её персиковой щёчке. И суп был невероятно вкусен... Да бухарестские рестораторы поубивали бы друг друга за его рецепт! И в лучистой улыбке Амалии, ласковой и матерински тёплой, хотелось нежиться, как в лучах весеннего солнца. И может быть даже выпить ещё по рюмке с подобрешшим Маковеем, вспомнить бои с болгарями, которых Василе никогда не встречал, и спеть дуэтом, обнявшись, "Тречети батальоне романе...". Василе очень много чего захотелось, но не было сил даже чтобы поднять руку.

– О-о, господину сублейтенанту пора почивать, – услышал он голос Маковой, приглушённый и гулкий, как будто говорил тот в пустое ведро.

Василе попытался возразить, но почему-то забыл все слова, поэтому просто улыбнулся. Потом его повели, и он честно старался переставлять ноги, а те, кто поддерживал его подмышки, морочили ему голову и кружили хороводы, и дом тоже кружился вокруг них, а в голове у Василе было пусто и легко, и он изо всех сил старался эту пустоту не расплескать. Потом ноги у него подкосились, но там, где нужно, и пышная пуховая перина, ароматная, как поле цветущей лаванды, мягко приняла его усталое тело.

Василе спал без сновидений почти до рассвета. Проснулся от резкого звука – выпал из глубокого сна, как из самолёта. Тяжело дыша, схватился за одеяло и только потом открыл глаза. На дворе кричал петух. За расшитыми занавесками слабо светило сиреневое предзвездное небо. Василе сглотнул, унимая дыхание – горло саднило, но голова не болела, и тяжесть под переносицей – верная предвестница болезни – бесследно исчезла. Он расцепил пальцы и откинулся на подушку.

Хотелось пить, но края перины непроходимой снежной грядой высились вокруг. Василе подумал, что он сейчас похож на китайскую фарфоровую вазу в ящике, засыпанном мягкими опилками, красивую и хрупкую. Эта мысль ему понравилась. Он всегда считал себя привлекательным, но недооценённым женским обществом. Интерес к нему вспыхивал часто, но очень быстро угасал. Девушкам не хватало чего-то очень важного, того, что было в избытке у его одноклассников с гораздо более обыденной внешностью, а что это за загадочная субстанция Замфир не знал.

Он поднёс руку к глазам, и в самом деле тонкую и изящную, с длинными пальцами музыканта, но она была не из фарфора, а из дымчатого стекла. В пальцах, не доставая ногтей, тяжело

колыхалась светлая масса. Василе встряхнул рукой, и жидкость, наполнявшая руку, заколебалась, оставляя внутри медленно стекающие потёки. Уже зная, что он там обнаружит, и боясь этого, Василе приподнял край одеяла. Он увидел своё тело: безволосую грудь, рёбра, впалый живот с торчащим пупком, худые ноги. Всё прочее также отсутствовало во всех анатомических подробностях, но состоял Василе не из плоти и крови, а из тёмного полупрозрачного стекла, наполненного жидким мылом. Он коснулся рукой лба и услышал звон, как от столкнувшихся стопок.

"Как закончится – умрёшь!" – вкрадчиво и злорадно прошептал в ухо голос Маковей.

В панике Замфир ощупал голову. Каждое касание сопровождалось стеклянным звоном и от него сжималось сердце, которого у бутылки с мылом быть не должно. Из макушки торчала огромная пробка. Замфир обхватил её руками и вдавил покрепче. Заскрипело притёртое стекло, мелкий стеклянный порошок посыпался внутрь, в драгоценную жидкость жизни. Василе разжал пальцы и вытянул руки вдоль тела, не касаясь его. Тонкостенному сосуду надо быть очень осторожным.

Снова запел петух. Замфир открыл глаза, оглядел свою белую кожу, приятно мягкую и почти непрозрачную, прохладную, но живую, и облегчённо выдохнул. Ночной кошмар рассеялся. В окошко весело светило солнце, на дворе лениво переругивались Маковей и Амалия. Кудахтали куры, всхрапнула лошадь. В прихожей скрипнула половица, и Василе едва успел прикрыться одеялом, как в комнату влетела Виорика.

– Ой, господин офицер не одет, – сказала она с весёлым и насквозь фальшивым смущением.

У Василе запылала уши.

– Если позволите... – пробормотал он.

– Конечно-конечно, – сказала Виорика, но не вышла, а, напротив, шагнула к нему. – Господин офицер купил даме манпасье?

Она была так близко, что он увидел тоненькие волоски пробивающихся усиков на верхней губе, пухлой и очень мягкой. Солнечный луч вскользь позолотил чёрные волосы. Глаза под полуприкрытыми веками, под дрожащими длинными ресницами, дразнили и обещали. Горло Василе перехватило, сердце гулко заколотило в уши. Сдавленным от смущения голосом он попросил:

– Дайте мне одеться, прошу вас.

– Думаете, я что-то ещё не видела? – томно шепнула она.

Крыльцо затрещало под грузными шагами, Виорика ойкнула и на цыпочках выбежала из комнаты. В дверь постучали и голос Амалии спросил:

– Господин сублейтенант, вы проснулись? Через полчаса будем завтракать.

Василе спохватился, схватил кальсоны и нательную рубаху. Он совершенно не помнил, как их снимал, и не понимал, почему спал в чужом доме в таком непотребном виде.

– Да-да, уже одеваюсь! – крикнул он, натягивая бриджи.

Замфир подхватил кожаный дорожный несессер – подарок матушки ко дню выпуска из офицерского училища. С полотенцем на плече вышел на двор. Солнце успело подсушить вечерашнюю грязь. Лохматую псину спустили с цепи, и она дружелюбно виляла хвостом, приседая и тявкая, будто и не пыталась накануне вонзить клыки в офицерский зад. Василе шёл к рукомойнику и улыбался про себя, вспоминая тепло девичьего тела и задорный блеск из-под густых ресниц. Он скинул рубаху, фыркая и дрожа от холода, обтёрся водой. Налил в ладонь густого мыла и остановился. Взгляд его упал на флакон. Уровень мыла опустился почти до начала скоса. Улыбка Василе потускнела, но он упрямо мотнул головой и натёр им плечи.

За обеденным столом Маковей со сладострастным стоном уплетал кукурузную кашу. Он нависал над миской, как волк над зарезанной овцой. В широком вороте бордовой рубахи курчавились седоватые волосы, капельки молока блестели на усах. Сублейтенант сел напротив, пря-

мой и застёгнутый на все пуговицы. Амалия поставила перед ним фаянсовую тарелку с мамалыгой и пододвинула доску с горячими плачинтами. От них исходил восхитительный запах горячей брынзы. Василе благодарно кивнул и, молитвенно сложив руки, забормотал:

"Благослови нас, о Господь, и эти Твои дары, которые мы собираемся получить от Твоей щедрости через Христа, нашего Господа. Аминь"

За событиями прошлого вечера он совсем забыл поблагодарить Господа за вчерашний ужин, и сейчас, извиняясь, произносил слова молитвы с особым чувством.

– О-о господин католик! – ядовито хмыкнул Маковей, будто узнал о сублейтенанте что-то постыдное.

Василе не отреагировал. Разложив салфетку на коленях, он принялся за еду. Замфир следил за осанкой и положением локтей, откусывал аккуратно и тщательно пережёвывал пищу без посторонних звуков, как учила его в детстве гувернантка. Только сейчас он понял глубокий смысл этих правил. Как иначе отличать людей культурных и образованных, от тех, кто от недалеко ушёл от животных?

Маковей будто прочитал его мысли, или слишком уж явно они проступили на сублейтенантском лице. Ехидно ослабившись, он выхлебал остатки жижи, под удивлённо-раздражённый взгляд Амалии вылизал миску дочиста. Потом встал, и, проходя мимо, кинул на стол у тарелки Василе скомканную телеграфную ленту: через час мимо станции Казаклия должен проследовать войсковой эшелон.

Признание Замфира

В указанное время Замфир вышел к рельсам с планшетом с пришпиленным бланком. Состав подошёл от Чадыр-Лунги, но вместо того, чтобы проследовать в Тараклию, сбросил пар и остановился. Начальник поезда выскочил из вагона и побежал к локомотиву. От представления сублейтенанта он отмахнулся.

– Замфир, голубчик, не до вас сейчас, – сказал он, раздражённо вытирая пот со лба. – Покажите машинисту, где качать воду и занимайтесь своими делами.

С подножек спрыгивали солдаты и офицеры, придерживая полы наброшенных на плечи шинелей. Они весело жмурились на яркое солнце и раскуривали в пригоршнях папироски, переговариваясь на сербском. У кабины начальник со злобным шипением налетел на растерянного машиниста. Тот жалобно блеял и нервно тербил картуз. Василе терпеливо дождался, когда начальник выпустит пар и ретируется, и козырнул машинисту.

– Нет, ну вы видели? – обиженно сказал тот. – Трибуналом грозит! А что я могу сделать? Давление падает, сюда-то еле доползли. Мне самому впрягаться?

Василе кивал головой и цокал языком, но машинисту собеседники были без надобности. Из-за поломки паровоза эшелон застрянет здесь до следующего утра, посему подкрепление для Добруджанской армии из бойцов Сербской добровольческой дивизии задержится, и это грозит машинисту большими бедами. Василе посочувствовал, показал, где водокачка, а сам пошёл вдоль состава, потому что каждому – своё. Кому-то паровоз вести, кому-то под болгарскими пулями гибнуть, кому-то – вагоны пересчитывать.

Поезд загибался вдали, сербы восполняли истончающийся пар из паровозной трубы табачным дымом, и были они, в своих шинелях, похожи на стаю мышей-полёвок, спрятавшихся от лисицы за серо-зелёным барьером эшелона. Впереди мелькнул чёрный китель, неуместный здесь – мелькнул и пропал. Сублейтенант подошёл к первой платформе и приподнял брезент. Пахнуло металлом и разогретой смазкой, и он поставил в бланк первую единичку.

К тому времени, как Василе дошёл до конца поезда, сербы выкатили две полевые кухни. В запах креозота, смятой травы и обувной ваксы влился ещё один – восхитительный запах пшённой каши с мясом. Краснощёкий повар радушно помахал половником. С отточенностью циркового фокусника он подбросил алюминиевую миску, и солнце подмигнуло сублейтенанту с её отполированного бока. Повар подхватил её, шлёпнул половник своего варева и протянул Василе.

– Гладан? Пробайте! – весело сказал он.

Сербы в очереди радостно загалдели, жестами подбадривая румынского офицера. Василе смутился. Он представил, как будет есть кашу на глазах у всего этого разношёрстного воинства, под смех и задорные выкрики, словно дрессированная мартышка на арене цирка. Он натянул на лицо самую надменную маску, какую смог придумать, нервно дёрнул подбородком и, заложив руки за спину, зашагал к дому стрелочника. За спиной разочарованно загудели.

"Не будет вам развлечения!" – гордо сказал про себя Василе.

– Напрасно вы так, господин корнет! – услышал он французскую речь с рокошущим проносом.

– Что, простите? Вы совсем знаки различия читать не умеете?! – возмутился сублейтенант так же на французском. Им он владел не хуже родного румынского.

Василе развернулся на каблуках к наглому сербу, но на берёзовом пеньке сидел незнакомый молодой офицер в чёрном кителе с красной выпушкой. Погоны на плечах украшали серебряные пропеллеры с крылышками. Нахал спокойно выгреб остатки каши и отправил в рот, потом встал, не торопясь, в полный рост и лихо, с дрожью в пальцах, козырнул.

– Поручик Сабуров, специальный авиаотряд Черноморского флота Его Императорского Величества, честь имею!

– Сублейтенант интендантской службы Четвёртой армии Королевства Румыния Замфир, к вашим услугам, – ответил ему в тон Василе.

– Простите, друг мой! Когда мы проходили знаки различия союзников я был не слишком прилежен. Зря вы так, лейтенант. Сербы – ребята радушные: другу рубаху последнюю отдадут, своей не будет – с врага снимут, а вы от угощения отказываетесь! – Поручик чуть склонился и доверительно сообщил: – А каша, скажу я вам, отменная.

– Я не голоден, – сухо сказал Василе.

Русский поручик был ему неприятен. Замфиру не нравилось открытое полнокровное лицо с пышными светлыми усами, голубые глаза в восточном разрезе, широкие плечи и крепкие руки. Ещё пуще раздражала вальяжность, непоколебимая уверенность в себе. Но особенно – эмблемы на его погонах. Авиатор, бесстрашный покоритель неба, современный Икар! Попадись такой на глаза Виорике...

Василе непроизвольно закусил губу. Он чувствовал магнетизм поручика, к нему тянуло. Притяжение это было не того рода, который влёт пресыщенных столичных мужчин в тайные клубы, нет. Василе в душе желал быть таким, как Сабуров, но понимал, что это невозможно: жизнь ваяла их разными инструментами. От того злился и на себя, и на него.

Подумав, сублейтенант решил держаться от поручика подальше – меньше шансов что единственная юная девица на станции попадётся этому хищнику на глаза.

– Был рад познакомиться, поручик, но мне надо идти. – Василе кивнул и зашагал к дому.

– Взаимно, сублейтенант, – крикнул ему вслед Сабуров. – Заходите в гости. Найдёте легко: единственный синий вагон.

– Непременно, – пробормотал под нос Василе и скрылся за калиткой.

К локомотиву, лязгая колёсами на стыках, подкатила дрезина с ремонтной бригадой.

Дома Маковея не было. Надутая Виорика сидела над недоеденной тарелкой с супом, а Амалия трясла кулаком у неё под носом.

– В своей комнате будешь сидеть, пока эшелон не уедет, поняла? – грозно сказала она и устало улыбнулась Замфиру.

– Присаживайтесь, господин сублейтенант. Представляете, что удумала? Гулять к поезду пошла.

Виорика злобно зыркнула на мать, но промолчала.

– Ваша матушка права, госпожа Виорика, – рассудительно сказал Василе. – Сербы – жуткие головорезы. Юной девушке опасно одной находиться в их обществе.

Он повернулся к Амалии и с важностью сообщил:

– Ремонтная бригада уже прибыла. Начальник поезда доложил, что к утру эшелон сможет отбыть к месту назначения.

Ничего начальник поезда Замфиру, конечно, не докладывал, просто ему захотелось произвести впечатление на Виорику. Кажется, произвёл, но не то, на какое рассчитывал. Девчонка кинула в тарелку ложку с такой злостью, что остатки супа брызнули в разные стороны, мгновенно получила полотенцем по макушке и, громко топая и сопя, закрылась в своей комнате.

– Скаженная! – крикнула мать ей вслед. – Беда, когда в доме такая красавица растёт, – пожаловалась она, осторожно и испытующе поглядывая на Василе. – Глаз да глаз нужен. А у вас, господин сублейтенант, есть невеста? У такого красивого и серьёзного юноши от барышень отбою быть не должно!

Василе перебрал в уме свои жалкие любовные победы: поцелуй в щёку от эмансипированной кузины из Галаца и вечер в разных углах дивана с дочерью отцовского адвоката.

– Я пока не встретил ту, единственную, с кем хотел бы прожить жизнь, – с достоинством ответил он, и снова вспомнил русского поручика.

Странным образом рядом с ним все достоинства Василе превращались в недостатки.

Замфир говорил по-французски с уверенностью парижанина. Сабуров грассировал, как последний клошар из рабочих предместий, только что выучившийся выговаривать букву "эр".

Кожа Замфира была благородно-бледной. Лицо Сабурова покрывал крестьянский загар.

Сабуров уминал пшённую кашу из миски и пальцами выуживал куски мяса. Замфир всегда вёл себя за столом так, будто напротив сидит сам король Фердинанд.

Замфир был образован, много читал, знал наизусть творения великих поэтов, а Сабуров вряд ли освоил что-то кроме Воинского Устава, по крайней мере, Василе хотел так думать.

Но как странно устроена жизнь! Пока такой, как Замфир, будет читать скучающей барышне возвышенные строки, такой, как Сабуров, шепнёт какую-то пошлость, от которой та зальётся румянцем, а потом уйдёт с ним, а не с Василе. Как бы ни были в моде в бухарестских салонах кокаиновые фаты с нервными пальцами, а в номерах барышни предпочитают уединяться с крепкими и шумными гусарами. А тут настоящий авиатор!

Вечером телеграфировали про санитарный эшелон, следующий с фронта в Чадыр-Лунгу без остановки. Сублейтенанту не хотелось встречаться ни с радушными сербами, ни с русским поручиком. Он сразу забрал влево, к голове поезда и быстрым шагом, не глядя на окна, проскочил мимо синего вагона первого класса. Двое железнодорожников, чёрные, как черти, ковырялись в башенке на округлой крыше парового котла. Под вспышками паяльной лампы загорались и гасли злые, измазанные сажей лица.

На поле за насыпью горели костры, их бледные дымы столбами уходили в тёмное небо. Гул сотен голосов тонул в стрёкоте цикад. Перед большой пылающей поленицей, выставив локти, в рядок ходили в странном танце сербы. Их чёрные силуэты на огненном фоне напомнили Василе гирлянды из человечков. Маленьким он вырезал их ножницами из цветной бумаги для новогодней ёлки.

В папином кабинете, в запахе старых книг и воска, на тёплом от пылающего камина полу, он складывал полоски бумаги в гармошку. Высунув от старания кончик языка, Василикэ вырезал человечка: голову, ноги, руки. Когда работа была закончена, он разворачивал гирлянду и придирчиво рассматривал её на просвет, и тогда тёмные человечки плясали в его руках, а в промежутках между ними пылал огонь, и такой же огонь отражался в очках отца, когда он с нежностью смотрел на вихрастую макушку сына. Василе ощущал его взгляд, как солнечное тепло на коже. Он купался в любви. Он был уверен, что любовь – это то, что должно окружать каждого человека, кутать в вату его уязвимое тело от рождения до смерти. Только это и правильно, а злость, ненависть, убийство, война – противоречат людской природе. Замфир опустил взгляд – его руки в коричневых перчатках дрожали. Ему тут не место. Он должен быть там, в просторном доме отца, в его кабинете, на полу у горящего камина. То, что он стоит в гагаузской степи, считает вагоны и смотрит, как веселятся приговорённые к смерти и увечьям солдаты – недоразумение. Это какая-то чудовищная ошибка.

Вдали загудел паровозный гудок. Бледное пятно американского фонаря потускнело, когда локомотив нырнул в распадок, и снова засияло, всё ярче и больше, пока не бросилось рывком вперёд, слепя глаза в истеричном свисте пара, лязге мечущихся шатунов, банном запахе прогорающего угля. Замфир, отшатнувшись, в панике пересчитывал пробегающие мимо вагоны. В окна выглядывали раненые. Они неслись мимо, из фронтового кошмара в неуютный покой госпиталя, чтобы, едва подлечившись, вернуться в бой. Приговорённые, не желающие избежать казни. Двенадцать санитарных вагонов, два обслуги и четыре товарных – проставил Замфир в нужных графах каллиграфическим почерком.

Сербы палили в воздух и кричали ура, приветствуя братьев по оружию. Унтера бегали между ними и гортанно выкрикивали команды, но их никто не слушал. И только поезд скрылся вдали, а сублейтенант убрал бланк в планшет, за его спиной снова запели, захлопали в ладоши.

Василе не мог взять в толк: почему они не думают непрестанно о тоннах смертоносного железа, готового вонзиться в их тела, о бесконечных рядах могил на военных кладбищах. Неужели каждый из них имеет что-то важнее собственной смерти? Это роднило воинов на гагаузском поле, которых завтра увезут на фронт и воинов в санитарном поезде, а Замфир был чужим и тем, и тем, потому что не было во всём мире ничего ценнее его жизни. Он побрёл домой, торопиться не хотелось. Жизнь в сербах не умещалась в телах, рвалась на волю, брызгая торопливым весельем, а в Василе её было не больше, чем жидкого мыла во флаконе на рукомошнике. Приходилось беречь.

Недалеко от калитки его нагнали торопливые шаги.

– Лейтенант, рад вас видеть, – сказал поручик Сабуров и добавил, понизив голос. – Есть у меня к вам одно дельце деликатного характера.

Он доверительно взял сублейтенанта за локоть.

– Скажите, друг мой, а нет ли тут поблизости увеселительных заведений? Или, может, барышень помоложе знаете? Последняя ночь мирной жизни случайно выпала, жалко терять. И купе у меня свободное.

– Помилуйте, поручик, вы это село на карте видели? Какие тут увеселительные заведения?

Сублейтенант попытался высвободить локоть, но Сабуров держал его крепко.

– Ну девицы-то тут должны быть. В жизни не поверю, что такой щёголь не знает каждую. Не жадничайте, лейтенант. Я завтра в бой пойду, а они при вас останутся.

Василе остановился и бросил украдкой взгляд на окно комнаты Виорики. Там горел свет, но в окно никто не выглядывал, и он был этому рад.

– Поручик! – Василе встал так, чтобы Сабуров повернулся спиной к дому Сырбу. – Я уверяю вас: за те дни, что я провёл в этом месте, самая молодая девица, которую я встретил – госпожа Амалия, супруга стрелочника, у которого я квартирую. Ей около сорока, она условно дама выдающихся достоинств, но вряд ли это то, что вы ищете.

Замфир ожидал увидеть в глазах поручика разочарование, но тот сочувственно посмотрел на сублейтенанта и положил руку ему на плечо.

– Василий, – сказал он с чувством. – Мне так жаль, что вам приходится тратить свою молодость в такой дыре! А пойдёмте ко мне! Пусть девиц нет, но зато у меня есть Шустов.

– Кто этот господин? – растерялся Василе.

– О-о поверьте, он необычайно приятен в общении! Давайте только зайдём на минутку к вашей хозяйке и я куплю у неё что-нибудь съестное. Честно сказать, однообразное меню нашей кухни мне порядком поднадоело.

Василе из-за плеча поручика посмотрел на освещённое окно. Девичья тень проскользнула по нему от края до края и снова исчезла, и он торопливо сказал:

– Это прекрасная идея, поручик, но я не прошу себе, если вы истратите хоть бань. В конце концов, существуют же законы гостеприимства! Возвращайтесь в купе к вашему другу, а я попрошу госпожу Сырбу собрать провизию и вскоре приду.

– Ну, хорошо. Жду вас, лейтенант, не задерживайтесь. Господин Шустов очень нетерпелив!

Василе не понял, почему это должно его беспокоить, но заверил, что этому господину не придётся долго терпеть. Он дождался, пока широкая спина Сабурова скроется в темноте и прошёл на кухню.

– Госпожа Амалия, – сказал он. – Совершенно случайно я в этом поезде встретил одного знакомого, русского офицера. Он пригласил меня к себе. Завтра он отправится на фронт, и кто его знает, когда нам ещё будет суждено встретиться...

Госпожа Сырбу без разговоров взгромоздила на стол огромную корзину и поставила в неё бутылку с ракией, вокруг уложила колбасы, сало, свежеспечённые плачинты, завернутые в белое полотенце.

– Вы скажите, сколько, я заплачу, – смущённо пробормотал Замфир, заранее догадываясь, каким будет ответ.

– Никаких денег, господин сублейтенант! – отрезала Амалия. – Это самое малое, что я могу сделать для наших защитников.

Госпожа Сырбу постаралась на славу: Василе едва дотащил неподъёмную корзину до синего вагона. В первом же купе он увидел поручика. Сабуров в расстёгнутом кителе задумчиво смотрел на дом стрелочника. Рядом на столе горела керосиновая лампа, снаружи совсем стемнело, и отражение в стекле было таким чётким, что Василе показалось, будто ещё один Сабуров заглядывает в окно. Замфир поставил ношу на кожаный диван и сел рядом.

– А где же ваш друг? – спросил он, вытирая лицо платком.

– Какой друг? – Повернулся к нему поручик. Он заметил корзину с горой снеди и с восхищением вытаращил глаза. – Вот это да, брат-лейтенант, да ваша щедрость не знает границ!

– Должен признаться, это всё госпожа Амалия, и деньги эта добрейшая женщина у меня не взяла.

Василе вытянул бутылку ракии.

– Вот, поручик, не желаете ли попробовать? Но должен предупредить: норов у этого зелья коварный.

– Всему своё время, лейтенант, всему своё время. – Поручик открыл портфель и вытащил из него бутылку с большим колоколом на этикетке.

– Вот, прошу любить и жаловать: господин Шустов собственной персоной. И, лейтенант, хочу заметить, что у него есть брат-близнец! – И он высунул из портфеля горлышко второй бутылки.

– Так это... – Замфир удивлённо воззрился на Сабурова.

– Коньяк, – кивнул тот. – Лучший! Даже французы признали. И, если хотите знать, сам государь император таким не брезгует. Давайте, лейтенант, раскладывайте припасы. Выпьем за знакомство.

– Я, признаться, на самом деле думал, что вы говорите про своего друга.

– О нет, мы не друзья. Я, если честно, предпочитаю хорошую водку, замороженную до тягучести, да под молочного поросёнка и маринованные опятки... М-м-м. Но мои друзья в Качинской авиашколе решили, что коньяк больше приличествует новоиспечённому поручику, так что водочки мы с вами выпьем в следующий раз.

Поручик налил полные рюмки коньяку, они чокнулись, Замфир пригубил маслянистый напиток и покатал его по языку, а Сабуров опрокинул рюмку целиком и зажевал плачинтой.

– Славные пирожки! – сказал он, трясая ей в воздухе.

Василе сидел напротив, сдвинув колени, прямой, как спинка его потёртого кожаного дивана. Он цедил коньяк по капле, сжатый и напряжённый, как в приёмной начальника интендантской службы, И пахло в купе похоже: кожей, пылью и столярным лаком. Ему не хотелось здесь быть, он не желал приятельствовать с Сабуровым. Замфир просто увёл его от окон Виорики. Осталось дожидаться, пока русский захмелеет, и откланяться. О том, как напиваются эти дикари, Василе был премного наслышан.

Сабуров поднял бутылку и с осуждением посмотрел на Замфира.

– Лейтенант! Это коньяк, не духи – его пить надо, а не нюхать!

– Я, поручик, признаюсь: не большой поклонник возлияний.

Сабуров посмотрел на него, как на диковинную зверушку из зоосада и налил себе. Потом встал, поднял рюмку на уровень глаз и торжественно произнёс:

– За Его Величество Фердинанда, Божией милостью короля Румынии! За его мудрость, отвагу и решительность!

Замфир нехотя встал и изобразил воодушевление, как смог. Только сунул нос в рюмку, как Сабуров рявкнул:

– За здравствующего монарха до дна!

Это была ловушка. Василе шумно выдохнул и повиновался. Коньяк, вполне приятный в микроскопических дозах, обжог пищевод. Где-то в глубине вагона густой бас затянул "Многая лета".

– Отец Деян распевается, – сказал Сабуров с усмешкой. – Видать, вторая бутылка пошла. Вы закусывайте, лейтенант! – поручик сунул ему в руку бутерброд с толстым куском колбасы.

Замфир сел. В вагоне было душно, и он расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Сабуров довольно улыбнулся:

– Оживать начали, а то, право слово, ну чистый манекен на шарнирах.

Нестройный хор голосов с гортанным балканским выговором подхватил многолетствование.

– Там ваши друзья? – Василе кивнул в ту сторону.

– Врагов тут нет.

Сабуров разлил, и Замфир ясно увидел, что будет дальше. Ещё рюмки две или три, и его накроет алкогольным туманом. В лучшем случае он уснёт, и поручик посчитает это признаком слабости. В худшем – утратит контроль, язык развяжется, и что он наговорит своему случайному знакомому – одному Господу известно.

– Давайте, друг мой. – Сабуров пододвинул к нему рюмку. Замфир с подозрением посмотрел на русского.

– Скажите, поручик, а зачем вы меня пригласили? Могли бы сейчас петь со своими друзьями.

– Откровенно? Только не примите за оскорбление. Пожалел и испугался. Представил вдруг, что меня вот так же командование забросит в какую-то дыру, где всех развлечений – кур по лужам гонять. Одного, без общества, без друзей, без женщин, наконец. Туда, где даже поговорить не с кем. Такая тоска меня обуяла – описать вам не могу.

– Представьте, поручик, но в жалости я не нуждаюсь.

Сабуров только отмахнулся.

– Я не хотел вас обидеть, лейтенант. Мой французский не так хорош, как ваш. Мне не всегда удаётся подобрать правильные слова. Давайте лучше выпьем.

– Зачем?

– У спиртного, друг мой, есть замечательная способность. Оно вытаскивает живого человека из мёртвого панциря.

– А если человеку хорошо там, в панцире?

– Задохнётесь, если носа высовывать не будете.

Замфир не сдвинулся с места.

– Вы не можете мне отказать, лейтенант. За вашего монарха мы выпили, теперь нужно выпить за моего. Союзники мы или нет?!

И снова Сабуров вытянулся в полный рост, выпятил мощную грудь.

– За Его Императорское Величество государя Николая Александровича! Многая лета! – громогласно объявил он.

Замфиру ничего не оставалось, как встать напротив и выпить свой бокал до дна. Где-то через пару перегоорок басовито подхватил отец Деян с хором подвыпивших сербских офицеров.

– Кажется, нас подслушивают, – ухмыльнулся Сабуров. Лицо его обрело выражение напраказничавшего, но не раскаявшегося мальчишки, и Замфир подавил непрошенный сме-

шок. Коньяк разогрел его кровь, расслабил сжатые чуть не до судорог, мышцы спины. Василе сел за стол и приналег на закуску. Стряпня госпожи Сырбу была простой, но от того ещё более вкусной.

– Мне, право, неудобно вырывать вас из компании друзей, – заметил он и с удивлением обнаружил, что говорит с полным ртом. Русский коньяк разрушительно действовал на манеры Замфира. Он смутился, промокнул рот краем белоснежной салфетки, но поручик не обратил на это никакого внимания.

– Друг мой, – сказал он, не отрываясь от обсасывания куриной голени. – Мы могли бы пойти сейчас к нашим балканским братьям по оружию... – Произношение поручика было столь чудовищным, что Замфир непроизвольно поморщился. Как многие румынские офицеры, он боготворил Францию, Париж и вовсе считал Новым Иерусалимом, сияющим на холме. Такое вольное обращение с французским языком коробило его возвышенную душу. Grimаса сублейтенанта не осталась незамеченной, и Сабуров с усмешкой продолжил: – Но вас, лейтенант, даже мой французский коробит. Что вы там-то делать будете? Наши сербские братья, особенно, подпив, становятся не в меру общительны. Румынского они не знают, как и латыни тоже, а их французский, уж поверьте, много хуже моего. Их язык я кое-как понимаю, всё-таки народы родственные, а для вас, потомка римских патрициев, српски езук будет сущей абракадаброй. И что вы там делать будете? Не отвечайте. Давайте лучше выпьем.

Он опять налил рюмки до краёв и вытянулся во фронт и провозгласил:

– За победу братского оружия!

Василе поднялся. На этот раз оторвать зад от диванных подушек было намного тяжелее.

– А обязательно до дна пить? – робко спросил он.

– Не обязательно, – успокоил его поручик. – Но, если на дне останется хоть капля, я немедля сдам вас тайной полиции, как пособника врага и османского шпиона!

Сабуров с нескрываемым удовольствием посмотрел на скисшую физиономию Замфира и расхохотался.

– Вы поверили, что ли? Ну, лейтенант, вы что всерьёз заподозрили во мне жандармского сексота? Не буду я вас сдавать, пейте, сколько хотите. Но завтра мы отправимся на фронт и будем биться за свободу Румынии до последней капли крови. Неужели вы, благородный человек, офицер, сможете выпить за нашу победу не до последней капли коньяка?

– Чувствую себя куклой на ниточках, – пробормотал Замфир, вылил коньяк в рот и продемонстрировал поручику пустой бокал.

– Ну будет вам, обещаю: еще один тост и будете дальше нюхать свою рюмку, сколько захотите.

– Зачем это вам, поручик? – с сомнением спросил Василе. Он нашарил плюшевую подушку и подложил под поясницу. Вертикальная, хоть и мягкая, спинка дивана была не слишком удобной.

Поручик склонился ближе и доверительным шёпотом сказал:

– Дорогой мой лейтенант, у вас такая царственно-бледная кожа... – Он замолчал, и Василе почувствовал, как огнём запылали его уши. Он только открыл рот, чтобы дать отпор наглецу, как поручик невозмутимо продолжил: – что будь вы барышней, ей-богу пал бы сейчас к ногам. Вы совсем на солнце не бываете? Вот право слово, живёте на природе, в первозданной дикости, а виду такого, будто только от куафёра вышли. Были б тут барышни, млели б и таяли от одного вашего облика. Такой тонкий белоснежный лилей в лейтенантских погонах.

– Вы полагаете? – вырвалось у Василе, и он сразу об этом пожалел. Ему почудилась издёвка в словах поручика, но тот смотрел на его лицо, как смотрят в книгу на незнакомом языке, пытаясь найти хоть одно знакомое слово.

– О-о-о, что за восхитительные бутоны расцвели на ваших щеках? – протянул поручик без улыбки. – Неужто вы до сих пор ни разу не стягивали кружевных панталончиков со стройных ножек?

– Я не готов обсуждать это с вами, поручик, – Замфир откинулся на спинку и сложил руки на груди. У него горели не только щёки, но и уши.

– Удивительно, – покачал головой Сабуров. – Потрясающая целомудренность у такого столичного щёголя! Кстати, насчёт поручика. Помните, я пообещал вам, что мы выпьем ещё один бокал до дна, и более я вас принуждать не буду? Я сдержу слово.

Он разлил по рюмкам коньяк и встал.

– Пора выпить братскую. Вставайте.

Замфир встал перед поручиком. Сабуров выставил локоть, будто предлагал сублейтенанту прогуляться.

– Пропускайте руку так... Вот, а теперь до дна!

Едва Замфир отодвинул опустевшую рюмку, Сабуров, не дав опомниться, впился ему в губы. Замфир слышал об этом варварском, противоестественном обычае, инстинктивно попытался отстраниться, но рука поручика крепко удерживала его затылок. В нос ударил запах вежеталя и чистой кожи, усы больно укололи верхнюю губу. Поручик отпустил его и сразу протянул руку:

– Константин!

– Василе, – ответил Замфир.

– Вася! – Сабуров радостно хлопнул его по плечам. – А как будет Константин по-простому? Как бы ты звал друга? – Сабуров сменил "Vous" на "Tu" и Замфир решил не обращать на это внимания.

– Костэл, – ответил он.

– Теперь ты – Вася, а я – Костэл. Всё, больше никакого насилия, клянусь!

Коньяк делал своё дело. Он тёк по венам, согревал и расслаблял. Замфир стянул мундир. Сабуров рассказывал, как учился в авиашколе в городе с каким-то турецким названием, и как получил в день выпуска погоны поручика. Он щедро пересыпал французскую речь русскими словами, но Василе его понимал, и даже пролетарское грассирующее "эр" больше не резало слух. Остывшие плачинты были не менее вкусные, чем горячие, им отлично шёл пересыпанный красным перцем шпик, не хуже, чем к седлу барашка бургундское гран-крю.

– Давай за почечную колику Его величества императора Франца-Иосифа! – Сабуров поднял полную рюмку. Замфир подхватил свою.

– А у него почечная колика? – заинтересовался он.

– Не уверен, – ответил Сабуров, – но теперь непременно будет.

– До дна, – решительно кивнул Замфир.

– Вот это по-нашему, – обрадовался Сабуров и вылил коньяк в рот.

Потом они выпили за подагру болгарского царя Фердинанда, французский насморк кайзера Вильгельма. После тоста за мужскую немощь султана Мехмеда Пятого Сабуров поднял палец вверх. Замфир задрал голову, но там не было ничего, кроме качающегося потолка с круглым выключенным плафоном.

– Кстати про мужскую немощь. Ты, друг мой Вася, ей, надеюсь, не страдаешь?

Замфир мотнул головой и его замутило, потом потянуло куда-то. Он быстро перебирал ослабевшими ногами, а крепкие руки поручика берегли плечи сублейтенанта от падающих на него стен. Вагон больше не стоял у платформы "Казаклия", его качало на волнах, и у Замфира начался приступ морской болезни. Глотка наполнилась едкой кислотой.

– Ой-ой-ой! – сказал голос поручика прямо в ухо. – Только не здесь. Держись.

И Замфир держался. В лицо ударил свежий воздух, он пах густой травой, навозом и дымом от костра. В темноте уютно светилось окно в комнате Виорики, а в его комнате не

горело. В том домике была кровать с чистым ароматным бельём, аппетитные запахи с кухни, ласковые руки Амалии, ставящие перед ним тарелку с чорбу, и припухшие со сна нежные девичьи губы, которых он ещё не касался, но уже всё про них знает. А за спиной – прокуренный вагон с полковым священником, больше привычным к "Упокой, Господи...", чем к "Многая лета...", острые запахи кожаных портупей, оружейной смазки, порохового дыма, впитавшегося в одежду.

Замфир стоял на границе двух миров. Шла война, и его тянули в тот, что за спиной, а он хотел в тот, что впереди. Он не готов, ему рано, он ещё не проверил, правильно ли он представил вкус губ Виорики. Василе б побежал, но ноги не слушались. Он шагнул на ступеньку, а она оказалась очень скользкой. Сильные руки подхватили его под мышки и аккуратно поставили на землю. Упёршись в колени, Василе изливал кипящую желчь с соляной кислотой в канаву под насыпью, а Сабуров придерживал его под грудь, чтоб сублейтенант не забрызгал сапоги.

Потом они сидели в траве. Замфир с тоской смотрел на домик Сырбу. Каким убогим показался он ему в первый день, и каким милым и родным стал сейчас. Кажется, всю жизнь бы прожил тут, в тишине и покое. Сабуров сидел рядом и учил Василе уму разуму, обкусывая травинки. От них голос его был сдавленный, и говорил он сквозь зубы.

– Тут, Вась, главное – напор и внутренняя уверенность. Сравнить дам с фортификационными сооружениями примитивно и пошло, но... – поручик поучительно поднял вверх указательный палец. – Жизнь и сама штука пошлая и примитивная. В военной истории не было случая, когда б завоеватель принудил крепость к сдаче горестными вздохами. Есть два способа захватить женское сердечко: осада и штурм. Осада вызывает жалость, штурм – страсть, а что вам по душе – решайте сами. Лично мне жалость ни к чему. Нет, есть ещё подкуп, но тут никакого искусства не требуется.

Василе не ответил. Он откинулся на спину и тоже, по примеру Сабурова, оторвал крепкую шершавую травинку. Травяной сок горчил и перебивал кислоту. Замфир лежал на спине, вытянув руки вдоль тела. Небо над ним медленно и почти незаметно вращалось – это кружилась Земля под его спиной. Он впивался в неё лопатками, держался за стебли пырея, чтобы не улететь. Поручик – крепкий, широкоплечий, толстокожий, сидел рядом, в темноте белела его растёгнутая рубаха.

– Соль же не в античных чертах, не в манерах, не в обхождении. И уж точно не в стишках. Главное – взгляд. В тебе самом, внутри, должна быть уверенность в обладании. Понимаешь? Вась, ты спишь?

Замфир отрицательно хмыкнул, он не хотел разжимать зубы.

– Если будешь смотреть на неё так, будто уже ей обладаешь – полдела сделано. Поверь сам, и поверит она.

Василе столько раз мысленно касался губ Виорики, что он точно знал, какой у них вкус, какие они мягкие снаружи и упругие внутри, какой живой и бархатный её язык, и как шекотно нёбу от его прикосновений. Сможет ли он посмотреть на Виорику так, будто уже целовал её наяву, а не в мечтах? Как у Сабурова всё просто!

С поручика какой-нибудь живописец мог написать картину – бог войны Арес отдыхает после боя. Рядом с ним Замфир чувствовал себя слабым, хрупким, незрелым. Такой, как Сабуров, может срубить саблей голову врагу, пробить ему грудь пулей, может грубыми стежками зашить рану на товарище и не поморщиться, голыми руками заправить вывалившиеся из брюха кишки. Его стихия – ярость, ненависть, иступление. Замфир не знает таких чувств. Просто... Есть люди, созданные для войны, и люди, созданные для мира. Так устроена жизнь, иначе все б разрушали и никто не строил.

– Это всё не для меня... – неожиданно сказал он вслух.

– Не выдумывай, Вась. Для того Господь и сотворил мужчину и женщину разными.

– Я не о том.

Горькая слюна скопилась во рту, горло сжалось, не давая произнести и слова. Так было, когда он признался в любви своей галацкой кузине – не потому, что и правда влюбился, а чтобы поцелуй в щёку первый раз в жизни превратился в поцелуй в губы. Это мозг пытается помешать сделать шаг, за которым всё может измениться. Василе прокашлялся и сразу, чтоб не передумать, сказал:

– Я боюсь смерти. Я боюсь, что меня отправят на фронт, и я погибну.

Голос был хриплым и к концу стих до едва слышного шёпота. Василе хотел, знать, что помогает Сабурову садиться за штурвал фанерного биплана и лететь под вражескими пулями на такой высоте, что упади оттуда – расшибёшься насмерть. Что отделяет Замфира от поручика? Только открытие, которое тот сделал, когда впервые победил страх смерти, и Замфир надеялся, что поручик с ним этим открытием поделится. Сказал и сжался, ожидая гневную отповедь фронтовика трусливой тыловой крысе.

– Будь это не так, я б первый отправил тебя в жёлтый дом, Вася, – сказал Сабуров.

Замфир молчал. Все силы он потратил на несколько коротких слов и сейчас напряжённо ждал, что скажет поручик. Всего несколько слов, волшебная формула, после которой страх уйдёт, и Василе сможет жить без постоянного удушающего комка под горлом. Молчание затянулось. Наконец, Сабуров спросил:

– Ты чего-то ждёшь от меня?

– Как с ним жить? С этим страхом.

– Можешь не жить, – пожал плечами Сабуров и полез за портсигаром.

Чиркнул спичкой, – жёлтое пятно ещё долго плавало перед глазами Замфира, – затянулся и выпустил облако белесого дыма. Оно медленно поплыло над травой. Поручик протянул раскрытый портсигар Василе, но тот отказался.

– Думаешь, есть какой-то секрет? А нету его. В первый раз превращаешься в замороженный кусок мяса – ни ноги, ни руки не слушаются. Тогда надо что-то сделать, что-то простое: шагнуть, потянуть штурвал, взвести курок. Одно простое действие, за ним другое, и постепенно отпускает. А не сможешь – умрёшь. Во второй раз – ты уже всё знаешь заранее, и справиться с оцепенением проще. С третьего начнёшь привыкать. Война становится работой, а смерть – только одним из исходов. Умереть можно и в мирной жизни – от ножа грабителя или от гриппа, только ты об этом не думаешь. Просто живёшь день за днём до самой смерти.

Сабуров щёлкнул пальцами и оранжевый огонёк по дуге улетел к железнодорожной насыпи.

– Пошли в вагон. Философствовать да думать про смысл жизни лучше не на сухую.

Замфир снова сидел на потёртом диване с плюшевой подушкой под спиной, и был тем самым замороженным куском мяса, про который говорил Сабуров. Он не чувствовал ни рук, ни ног, и оттого они казались ему чудовищно распухшими. Сабуров что-то говорил, его слова казались очень важными, но им не удавалось проникнуть в онемевшую голову Василе. Булькал коньяк, Замфир говорил про себя: "Одно простое действие" и брал рюмку непослушной рукой. Вливал в рот коньяк – без вкуса и запаха он неохотно проваливался в желудок. Сабуров опять говорил что-то, и его слова плавали в табачном дыму под потолком купе.

– ...кто мы? Великие учёные, художники? Мы не сделаем великого открытия, не напишем поэму, не придумаем способа накормить всех голодных. Мы – несколько пудов мяса, костей и, пардон, дерьма. Десять копеек за фунт гамузом. Ты, Вася, на полтора червонца потянешь. Велико сокровище.

– Сколько это: полтора червонца, – спросил Замфир.

Сабуров задумался, вспоминая курс.

– Почти полторы тыщи вашими, – выдал он наконец.

Замфир кивнул головой:

– Немалые деньги.

С головой качнулся вагон, и Василе зажмурился, а, когда снова открыл глаза, увидел напротив бородатого и горбоносого мужчину. Незнакомец, закинув ногу на ногу, что-то размашисто чёркал на дощечке. Замфир тоже закинул ногу на ногу. Мужчина сразу ткнул в его сторону карандашом и сказал что-то непонятное.

– Он говорит: "Очень хорошо, так и сиди!" – перевёл на французский Сабуров.

Замфир так и сидел. Перед тем, как глаза снова закрылись, он подумал, что надо будет обязательно сказать другу Костэлу, что культурные парижане, когда говорят "trés bien" не рычат по-тигриному.

Потом он висел в мясном ряду на площади Обор. Стальной крюк тянул ребро. Промороженное тело не чувствовало боли, только стоял вкус металла на языке и щекотали оттаивающую кожу капли талой воды. К прилавку подошёл господин интендант с напыленным адъютантом. Ткнул в Василе толстым пальцем в коричневой замше.

– Этот сколько?

Замфир хотел вытянуться по стойке смирно и отдать честь, но руки и ноги не слушались. Тогда он попытался вспомнить, должно ли отдавать честь старшему по званию, висая на крюке в неглиже, однако в уставе, который он знал наизусть, об этом не было ни слова.

– Пятнадцать рублей. Исключительно для Вашего Благородия, – услышал Василе голос Сабурова.

Господин интендант надменно втянул пухлую губу.

– В леях, будьте любезны, вы в королевстве Румыния, а не на одесском привозе!

– Извольте, Ваше Благородие. Тысяча пятьсот румынских леев.

– Помилуйте, за что такие деньги? Одни кожа да кости... Да, пардон... – Интендант шевельнул алыми ноздрями. – Дерьмо.

– Ну вы-то, Ваше Благородие, должны в мясе разбираться! Извольте видеть: филей постный, с тончайшими жировыми прослойками. – Сабуров бесцеремонно развернул Замфира и хлопнул по ягодице. – Диетический продукт! – провозгласил поручик. – Идеально подходит для послеоперационного ухода раненных солдат, – он понизил голос и доверительно добавил: – а также весьма полезен господам и дамам, блюдушим фигуру.

– Поучи меня мясо выбирать! – пробурчал под нос интендант. – За тысячу триста заберу всю тушу. – Он повернулся к адъютанту: – Эту сразу в Добруджу, в госпиталь.

Замфир, покачиваясь, медленно поворачивался обратно к интенданту. По обе стороны от него в полумрак зала уходили бесконечные ряды туш, таких же как он, – молодых и не очень, худых, мускулистых, пузатых, дряблых, бледных и загорелых, высоких и низких, покрытых инеем и сочащихся влагой. Некоторые лица казались знакомыми.

Сабуров обхватил Замфира поперёк и сдёрнул с крюка, и тот впервые увидел поручика. Русые волосы Сабурова, обыкновенно взерошенные, были расчёсаны на прямой пробор и щедро умащены бриллиантином, на щеках краснели свекольные круги, как у водевильного русского приказчика. Поверх засаленной рубахи с подкатанными рукавами он напялил длинный брезентовый фартук, щедро измазанный кровью.

– Ты, Вась, не бойся! – шепнул ему Сабуров. – Страшно только, если голова есть, а это мы сейчас исправим. – Поручик достал из-за спины тесак и подмигнул Замфиру. – Разделять будем, Ваше Благородие?

– Нет-нет, не надо! – поспешно ответил интендант. – Хотя... Говорите, диетическое? Отрежьте голяшки отдельно, домой заберу.

– Прости, друг мой, но что поделать? – пожал плечами Сабуров и подмигнул сублейтенанту: – Кого-то – в бой, кого-то – в гуляш. Всё для победы! Се ля ви.

Поручик, примеряясь, приложил тесак к босым ногам Замфира. От лезвия исходил невыносимый холод.

Василе проснулся, босой и замёрзший, под наброшенным кителем. Рука, неуклюже завёрнутая под бок, онемела. Он подтянул к носу колени, пытаясь спрятать озябшие ноги под слишком короткую форменную куртку.

Перед носом свисала складками бархатная скатерть, цветом точь-в-точь – оконные портьеры в его комнате дома. Ему бы очень хотелось, чтобы за плотной тканью оказалась залитая солнцем улица Херэстрэу, но там была ножка стола и чёрные краги поручика.

Замфир с трудом оторвал щёку, прилипшую к коже дивана. Окно запотело, за ним угадывалось голубое небо. Где-то с другой стороны поезда переговаривались сербы. Кто-то храпел в дальнем конце вагона, и по сочному басу, богатому обертонами, Замфир решил, что это певучий отец Деян.

Он спустил ноги. Стол был убран, скатерть аккуратно разглажена. На вешалке висел чёрный мундир поручика. Всплыли обрывки ночных разговоров, его признание этому русскому в собственной слабости. Замфир зажмурился и тихо застонал. Сейчас, как никогда, ему хотелось отмотать время назад и послать поручика с его приглашением к чёрту. Сабуров говорил про великие открытия, которые Замфир не совершит. Что ж, машина времени господина Уэллса сейчас была бы кстати.

Рукомойник в туалетной комнате оказался совершенно пустым. Василе, стараясь не делать резких движений, обулся и вылез наружу. Воинский эшелон был слишком длинным для куцей платформы "Казаклия", и сублейтенант прыгнул в мокрую от росы траву. Во дворе стрелочника зашёл в яростном лае его пустобрех. У калитки Замфир увидел Сабурова в белой рубаше и с полотенцем на плече. Маковой стоял у конюшни, дверь в дом была приоткрыта, и Василе мог поспорить, что в темноте прихожей прячется любопытная Виорика. После недолгой пантомимы Маковой понял, что нужно этому незнакомому офицеру и махнул рукой на угол дома, за которым стоит рукомойник.

Замфир припустил вдогонку. Когда влетел в калитку, поручик уже скрылся за углом. Маковой окинул жильца ехидным взглядом.

– О-о-о, господин сублейтенант! Видок у вас – в гроб краше кладут. Всю ночь вагоны пересчитывали?

Замфир не ответил. Торопливым шагом, поглядывая на приоткрытую дверь, он прошёл к рукомойнику.

Сабуров, голый по пояс, намыливал мускулистый торс его, Замфира, жидким мылом. Серый обмылок Сырбу лежал на краю, сухой и растрескавшийся. На глазах у сублейтенанта поручик вылил в ладонь большую порцию густой белой массы и начал втирать её в волосы.

– О, Вась, доброе утро! – сказал он весело, как только заметил Замфира. – Раз ты тут, можешь на спину полить?

Василе молча взял кувшин и пошёл к колодцу. Он лил понемногу студёную воду на фыркающего и взрыкивающего Сабурова, белая пена размывалась, стекала на землю, оседала тающими хлопьями на траве, и с каждым наклоном кувшин казался тяжелей.

– Кондуктор, шельма, воду не набрал. Артиллеристы его вчера напоили до синих чертей. Начальник поезда ему сегодня устроит!

Поручик выпрямился, вытираясь полотенцем и посмотрел на Замфира.

– А ты, брат, чего такой бледный? Коньяк хороший, да и выпил ты вчера совсем немного. Давай-ка, взбодрись. Скидывай рубашу, я сейчас воды принесу.

– Поручик! – остановил его Замфир. Обливаться холодной водой, тем более при Сабурове, ему не хотелось. Он бросил ревнивый взгляд на изрядно опустевший флакон. – Должен признаться, обычно я не употребляю алкоголь. Прошлой ночью, в опьянении, я мог наговорить глупостей, прошу меня простить и не принимать мои слова серьёзно.

– Ну-у, друг мой, с тобой только в пьяном виде разговаривать и можно. Как протрезвеешь – форменный человек в фуляре. Извольте, сублейтенант, как скажете.

Он повесил полотенце на шею и закрепил на рукомоёмике маленькое круглое зеркальце. Налил из флакона мыла в руку. Так щедро налил, что Замфир с всхлипом втянул воздух. Сабуров перехватил его взгляд в отражении и в недоумении нахмурился.

– Что за мученический вид, сублейтенант? – он озадаченно посмотрел на белую массу в своей ладони. – Вы мыла мне пожалели?

– Нет-нет, поручик, – поспешно ответил Замфир. – Но, честно говоря, это был единственный флакон у местного галантерейщика, и больше в этой глуши купить его негде.

– Велика беда! – усмехнулся Сабуров. – Я вам дюжину таких флаконов привезу, когда снова через вашу станцию ехать буду.

Он намазал лицо пеной и раскрыл опасную бритву.

– И вот ещё что, – он повернулся к Замфиру. – Мы с тобой ночью пили на брудершафт. Теперь – ни чинов, ни выканья. Помнишь, Вася?

– Конечно, Костэл.

К девяти утра ремонт был окончен. Ремонтники загасили факелы в вёдрах с водой и укатили на дрезине. Паровоз развёл пары, бойцы затащили полевые кухни на платформу. Помощник машиниста с маслёнкой пошёл вдоль вагонов, простукивая буксы. После полудня Замфир с вчерашним бланком обошёл эшелон. Вид он старался сохранять официально-отстранённый, на приветствия встречных сербов отвечал сухим кивком. Из вагона первого класса ожидаемо высунулся Сабуров.

– Стой, Вась! – крикнул он, скрылся на миг внутри и спрыгнул на землю с белым листком в руке. – Держи! Тебе на память.

– Откуда это? – Замфир изумлённо разглядывал карандашный рисунок.

На намеченном штрихами диване сидел он, с тонкими усиками и скорбно воздетыми бровями, заложив ногу на ногу – весь из тонких линий, острых углов и размазанных пальцем теней, но совершенно узнаваемый. В его позе было что-то неправильное, сквозило некоторое неудобство, из-за чего рисунок вызывал тревогу и ощущение уязвимой хрупкости.

– По-моему, прямо в корень зрит, как думаешь, Вася? Скажи хоть что-нибудь.

Замфир оторвался от рисунка.

– Художник очень... талантлив, – выдавил он из себя.

– Это Люба, он заходил ночью, помнишь? Говорит, у себя, в Сербии, был большим художником, а бросил всё и стал санитаром. Едет в госпиталь, в Добруджу.

Замфир вздрогнул, вспомнив ночной сон.

– Хотел картину писать... Да когда он её там писать будет? Я и выменял у него эскиз за вторую бутылку "Шустова". Мы ведь с тобой её так и не раскупорили.

Впереди сипло засвистел паровозный гудок. Эшелон дёрнулся, проверяя сцепки. Помощник машиниста галопом промчался мимо, заглядывая между вагонами.

– Пора, Вась. Бог даст, ещё свидимся. Давай обнимемся, – сказал Сабуров, и не дав Замфиру опомниться, обхватил его наискось и похлопал рукой по спине.

– Бояться – не трусость, Вась, – тихо сказал он ему на ухо. – Никто заранее не знает: трус он или нет. – Поручик отстранился, держа его за плечи и добавил: – И насчёт барышни, которую ты так старательно от меня прятал... Помнишь? Штурмуй эту крепость так, будто уже её взял, и всё получится. Ну, бывай!

Он запрыгнул в вагон, и эшелон уехал на юг. Мимо, набирая скорость, проносились вагоны, высовывались по пояс весёлые сербы и махали руками.

Замфир не мог взять в толк, как можно улыбаться, когда поезд везёт тебя на убой, когда завтра или послезавтра тебя отправят под пули и сабли врага, и может быть, и даже скорей всего, убьют или покалечат. Что бы ни рассказывали священники, а погибнешь ты – и погибнет весь мир с тобой. Станет неважно, победит Румыния или проиграет, ведь ты об этом уже не узнаешь. Тогда зачем всё это?

Сублейтенант Замфир стоял в траве перед грубо сколоченной платформой с надписью "Казаклия", в глубоком гагаузском тылу, заложив руки за спину. Он изо всех сил старался сохранять высокомерный вид, хоть на деле ему хотелось вздёрнуть руку в древнем римском приветствии, отдать дань мужеству идущих на смерть. Поезд увозил на пылающий юг простых чернявых парней с открытыми улыбками, таких же как он, только вовсе не страшщихся смерти, а не каменноликих легионеров.

Промелькнул последний вагон, и резко стало тихо. Приглушённо кудахтали куры на дворе Сырбу, шелестела трава от тёплого ветерка да потрескивали, отдыхая, шпалы и, наверное, не было на Земле в этот миг более мирного и спокойного места.

– Просто они созданы для войны, а я – нет, – тихо сказал себе Василе.

Победа Замфира

Ближе к вечеру в сторону фронта проехал санитарный эшелон, без остановки. Уже учёный, Замфир близко к насыпи не подходил. Выставив руку с химическим карандашом, изда-лека пересчитывал просветы между вагонами. В 21:00 телеграфировал в штаб сводку за день. Что с ней будет дальше, и прочтёт ли её кто-нибудь вообще – об этом Василе пытался не думать. Грызла его догадка, что папа воспользовался своими связями в кабинете военного министра, чтобы запихнуть его на бесполезную и безопасную должность, грызла и злила, но не очень натурально. В глубине души Замфир был отцу благодарен.

Весёлые лица сербских добровольцев не шли у него из головы. Его воображение рождало живые картины, вроде синематографа, только цветные, и потому ещё более страшные. В них солдаты с улыбкой шли в бой, смеясь, убивали других солдат, и со счастливым хохотом падали, разорванные картечью. Госпожа Амалия с крыльца позвала господина сублейтенанта ужинать, и Василе пошёл к домику Сырбу в глубокой задумчивости.

"Эти парни – из простых. Они выросли в бедности, на природе, – размышлял он, – бегали босиком, падали с деревьев, купались в холодной речке. Скорей всего... Нет, точно, их отцы применяли телесные экзекуции, как принято в простонародье, и они привыкли к розгам. Они дрались друг с другом, ломали носы, руки, ноги. От всего этого у них задубела кожа и огрубели нервы. Они стали привычными к боли, поэтому они её не боятся. Они просто чувствуют боль иначе, чем я. А что ждёт их впереди? Изнурительный труд на какой-нибудь фабрике или батраком у помещика, нищета, пьянство, ранняя смерть. Они не знают, что такое искусство, не ходят в театры, не слушают музыку, не читают книги, им чужда поэзия. – Василе чувствовал, что он подбирается к очень важной мысли, которая всё сейчас объяснит. – Им не испробовать деликатесов, не погулять по Монмартру, не увидеть воочию величие Ниагарского водопада. Каждый их день будет посвящён одному: дожить до следующего дня. Много ли стоит такая жизнь?"

Замфир остановился в паре шагов от рукомойника и сжал пальцами виски.

"Всё дело в этом: в цене. Сабуров не прав! Сублейтенант Замфир вовсе не мясная туша по десять копеек за фунт. Ценность сублейтенанта Замфира включает всю его будущую жизнь: должности, карьеру, солидное жалование, фамильное состояние, которое он унаследует и преумножит, его женитьбу, его детей, их светлое и счастливое будущее. В итоговую цену войдут все обеды в дорогих ресторанах, все украшения и туалеты, которые он подарит жене, все подарки, которые найдут его дети под ёлкой. Безусловно надо посчитать поездки на Ривьеру и в Висбаден, подлинники картин в их доме на Хэрестрэу, редкие манускрипты в библиотеке отца. И будущее авто, которое Замфир твёрдо решил купить после войны, тоже необходимо учесть. Разве можно сравнивать ценность жизни Василе с безрадостным и бесцельным существованием простого бедняка, как эти сербские добровольцы? Конечно, им проще идти на смерть, когда ничего нет и почти точно не будет. Их существованию и правда полтора червонца – красная цена".

Одновременно потрясённый и успокоенный этой мыслью, Замфир убрал руку от глаз и увидел свой флакон, опустевший на треть.

За ужином он был угрюм и задумчив. Амалия даже спросила, не заболел ли господин офицер. Замфир ответил, что ей не стоит беспокоиться и ушёл в свою комнату. Не раздеваясь, он упал на кровать, подхватил с тумбочки томик стихов Эминеску и открыл наугад.

"Зачем тебе умирать?" – прочитал Василе. Он не любил стихи, но знал многие наизусть. Романтические, возвышенные, пугающие, трагичные, каждая строфа – для своего случая, и каждый раз не в строку. Мама любила вспоминать, как кружилась голова, когда папа читал ей Бальмонта.

*"Ты вся – безмолвие несчастья,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,*

Еще не познанного мной..." – проникновенно, вполголоса декламировала она, незряче глядя в левый угол гостиной, потом переводила глаза на отца, и они сверкали ярче хрустальных подвесок на люстре. Василе пытался добиться такого же блеска в глазах знакомых барышень, но они оставались равнодушны и к изящной испорченности декадентов, и к зловещему драматизму новых романтиков.

Сборник поэзии Эминеску Замфир купил в Галаце перед тем, как отбыть в Казаклию. Румынские войска наступали в Трансильвании, подданные королевства, и юные барышни особенно, испытывали небывалый патриотический подъём. Предусмотрительный Василе начал обогащать репертуар творениями румынских поэтов, а потрёпанную тетрадь с выписанными стихами для обольщения отложил до лучших времён. На новом месте службы он надеялся стать центром интереса местного общества, всю дорогу примерял образ пресыщенного жизнью столичного фата, снисходительно-патриотичного и умеренно-демократичного, а когда приехал, понял, что демонстрировать этот притягательный образ не перед кем.

"Не красавица ты, Марта..." – прочитал Василе.

"Не красавица ты, Виорика," – повторил он про себя.

Его чувства к дочери Сырбу постепенно менялись. Вначале – это была не лишённая приятности, но всё же грубая деревенская девчонка. Потом нарёк про себя бруском, на котором сможет отточить своё искусство покорения девичьего сердечка, но вот беда: он никак не мог решиться подойти к этому бруску. Наблюдая каждый день её живое, беззаботное личико, милую улыбку, белые, похожие на полупрозрачный фарфор, зубки, он находил в ней всё больше и больше привлекательного.

"Есть иные покрасивей, поумней и побогаче, только в мраморе студёном нет и проблеска души..." – подсказал ему Эминеску.

Да, Замфира притягивала её детская свежесть, наивная непосредственность. Он вспоминал бухарестских девиц с холодным взглядом из-под полуопущенных век, и рядом с Виорикой они показались ему безжизненными мумиями. Он скосил взгляд в книгу.

«...мне, когда груди высокой наслаждаюсь сладким пленом...»

Как выглядит женская грудь, Замфир знал лишь по полотнам живописцев эпохи Возрождения и затёртым порнографическим карточкам, гулявшим на офицерских курсах, а какая она на ощупь, мог только догадываться.

Василе закрыл глаза и представил Виорику, её шею, особенно притягательную, когда головка приподнята и чуть повернута в сторону, впадинку у основания, мягкую границу незагорелой кожи, спрятавшуюся в таинственном полумраке выреза. Он перебирал эпитеты и метафоры, которые могли бы описать её нежную белизну, но ни первый снег, ни морская пена не подходили. Скорей, она была цвета топлёного молока или даже сыра моале, его головка лежала сейчас на кухонном столе. Такой цвет, тепло-сливочный, подходил больше всего, и на ощупь, наверное, грудь Виорики будет похожа – такая же мягкая и одновременно упругая. Подбирать гастрономические сравнения для девичьих прелестей – пошло, но жизнь и сама штука пошлая и примитивная, как сказал Сабуров. Василе мысленно положил руки на её обнажённую грудь и почти ощутил, как вжимаются в ладонь две тугие фасолины. Неспроста были все эти кулинарные метафоры – в животе сублейтенанта забурчало.

За ужином ел он мало и без аппетита – из головы не выходила опустевшая фляга с мылом. Как ни пытался он себя убедить в нелепости своих страхов – ничего не получалось. В ушах звучал голос Маковея: "Как закончится – умрёт!", ржали кони, под треск костра шуршали цветастые юбки, звенели мониста, как бубенцы на лошади, впряжённой в катафалк.

На кухне, на подоконнике стояла большая глиняная миска с плачинтами, накрытая чистым рушником. Замфир натянул войлочные чуни и бесшумно выскользнул в прихожую. У Виорики было тихо. Он прокрался мимо спальни Маковей и Амалии и занёс уже ногу над кухонным порогом, как услышал приглушённые всхлипывания. За дверью хозяйской спальни тихо плакала Амалия. Замфир замер, прислушиваясь. Заскрипели половицы под тяжёлой ногой, и Василе похолодел, но Маковей ходил по комнате, не приближаясь к двери.

– Ну не реви ты, – непривычно ласково сказал он. – Там больше половины осталось, на какое-то время хватит, а там... – Маковей красноречиво помолчал. – Не в моей воле.

– Неужели нигде нет? – сдавленно спросила сквозь рыдания Амалия.

– Лазареску сказал: всё идёт на нужды фронта. Может, в Яссах есть, но он туда поехать не может.

При упоминании Лазареску волосы на затылке Замфира зашевелились. Сомнений больше не было: он стал жертвой цыганской ворожбы. Василе хотел уже ворваться в спальню Сырбу и потребовать объяснений, но представил, как он, образованный человек, офицер королевской армии, признаётся в своих суевериях.

"Не существует никаких проклятий!" – не слишком уверенно сказал себе Василе и, больше не скрываясь, зашёл на кухню. Зажёг свет, налил молока в кружку. Только сел за стол с остывшей плачинтой, скрипнула дверь и в проёме появился Маковей. Он зачерпнул из кадки воды и жадно, в несколько глотков, выхлебал.

– Что, не спится, господин сублейтенант? Переживаете, понимаю, – ехидно сказал он, вытирая рукавом мокрую бороду. – Пока ваши товарищи на фронте гибнут, вы пироги в тылу лопаете.

Кусок натурально застрял в горле у Замфира. Пока Василе, с пылающими ушами, пытался его протолкнуть и дать отпор, Маковей повернулся к нему спиной и скрылся в спальне. Хлопнула дверь.

Аппетит пропал.

– Я служу там, куда меня направило командование! – с досадой сказал Замфир месту, где только что стоял Сырбу. Посмотрел на холодную плачинту с тыквой и доел без удовольствия, из чистого упрямства.

Потом Василе лежал на пуховой перине и смотрел на полную луну в окне. Он думал, как ярок и безжалостен свет невидимого сейчас солнца, что тени от бесконечно далёких кратеров видны даже в забытой Богом Гагаузии. Василе закрыл глаза. Перина под его спиной исчезла, больно врезались в тело перетяжки. Шесть цепких рук перенесли Замфира через изножье кровати и потащили куда-то. Окно исчезло, не было ни стен, ни потолка, небо открылось полностью. Шуршала, сминаясь трава. Луна прыгала в небе в такт шагам носильщиков и освещала их суровые бородатые лица, плечи, бугристые от разбухших мышц, просвечивала сквозь шёлк свободных рукавов алых рубах, бликовала на золотых серьгах. От похитителей исходил крепкий дух конского пота, сладковатый и тошнотворный. Василе попытался осмотреться, но тело не слушалось.

"Это сон, – подумал он. – надо только себя ущипнуть, и я проснусь."

Но вот беда – руки и ноги он чувствовал, но даже шевельнуть ими не мог. Выпитое молоко плескалось в животе и мягко толкало в горло. Стрёкот цикад растворился в треске множества костров. Лица носильщиков из бледно-палевых стали охряными. Они замедлили шаг. Между их плечами появлялись и исчезали любопытные лица: смуглых детей, лукавых женщин, улыбающихся мужчин со сросшимися бровями.

– Шувано! – непонятно крикнул один из носильщиков и торопливо заговорил на незнакомом языке, грубом и раскатистом. Василе сразу вспомнил чудовищный акцент поручика Сабурова.

Над ним появилось перевернутое лицо Маковей. В его буйной, кудрявой шевелюре справа качнулось массивное золотое кольцо. Губы стрелочника сжались в узкую полоску, на побагровевшей шее вздулись жилы. У Василе в голове что-то начало со скрипом проворачиваться, макушка похолодела, и Василе показалось, что лёгкий ночной ветерок забрался ему в голову. Маковей кивнул носильщикам, и ноги Замфира поползли вверх. Он узнал луг за железнодорожной насыпью, вокруг стояли люди в цыганских нарядах, за их спинами, среди пылающих костров, – расписные фургоны, вардо. Перед ним на корточках сидел Маковей со сложенным рушником. У его правого сапога валялась огромная притёртая пробка, как от флакона с жидким мылом. Что-то полилось из головы Замфира, прохладная жидкость заструилась по стенкам его черепа, и чем больше её вытекало, тем холоднее становилось Замфиру. Похолодели кончики пальцев, лодыжки, бедра, ладони рук. Следом за холодом накатывало онемение. Когда оно дошло до пояса, Маковей хлопнул в ладоши. Цыганёнок в алой, как у взрослых, рубахе привёл серого коня – очень худого, с острыми рёбрами, выпирающими сквозь кожу. Маковей протянул мальчику рушник, и тот начал натирать лошадиные бока белой пеной.

– Пока хватит, – сказал Маковей по-румынски и вставил Замфиру в голову пробку.

Утром Василе стянул рубаху и долго рассматривал в зеркале своё тонкое, не слишком развитое тело, щупал торчащие, как у больной лошади из сна, рёбра. Под тонкой полупрозрачной кожей проступили синие вены. По босым ногам, бледным до голубизны, можно было изучать анатомическое строение стопы. Но больше всего Замфира пугало ощущение ветерка в голове. Он помнил его так отчётливо, что казалось, прохладный воздух и сейчас струится по извилинам его мозга.

– В мозге нет нервных окончаний, – сказал Замфир. Он слышал об этом от кого-то из друзей отца. И сам себе ответил скептически: – Да неужели?!

Он нагнулся за сапогами, и в голове зашумело, пол качнулся под ногами. Замфир упал на колени и пару минут стоял, уткнувшись лбом в край кровати и глубоко дыша. Когда головокружение прошло, он пообещал себе есть в два раза больше, даже если аппетита нет, и каждое утро делать гимнастические упражнения. На кухне гремела посудой Амалия, что-то тихо напевала Виорика, голосом низким, но не лишённым приятности. Вышел на крыльцо Маковей, судя по тяжёлым шагам. Василе с трудом поднялся и прислушался к себе: сердце колотилось, колени заметно дрожали, его подташнивало. Причины этой слабости он понять не мог. С полотенцем на шее и несессером под мышкой он вышел из комнаты и остановился у двери в кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.